

Сбежавший от ИГИЛ.

Мы поговорили с россиянином, который уехал в Сирию воевать на стороне джихадистов. Саид Мажаев провел там полгода. Сбежал обратно в Россию. Отсидел. И вышел на свободу. Саид рассказал нам, как выглядит жизнь экстремистов изнутри.

Актер Вадим Дорофеев. Молодой, красивый, амбициозный. Несколько месяцев назад он, оставив жену и детей, уехал в Сирию, объяснив свое решение просто: «На то воля Аллаха!» А еще через некоторое время его супруге пришло SMS: Вадим погиб, сражаясь в рядах террористической запрещенной в России группировки «Исламское государство».

19-летнюю студентку МГУ [Варвару Караулову удалось остановить на турецко-сирийской границе](#) . Предположительно, девушка хотела встать под черные знамена джихада.

И это только те случаи, о которых стало известно. О тех десятках-сотнях молодых людей, которые пересекают границу тайно, известно мало. Родные не поднимают паники, боясь осуждения и уголовного преследования. Да и не знают они зачастую, куда уехали их сыновья, мужья, братья. Одни из последних данных о количестве россиян в рядах ИГИЛ и других запрещенных бандформирований на территории Сирии или Ирака озвучил глава ФСБ Александр Бортников. По его словам, [сейчас там находятся около 1700 российских граждан](#) . И за прошедший год количество таковых возросло практически в два раза.

[Зачем они едут на чужую войну?](#) Как увозят из дома миллионы, а потом просят прислать им денег на еду. Как их вербуют? И как им удается вернуться?

Уроженцу Грозного Саиду Мажаеву 22 года. Два года назад он отправился в Сирию воевать на стороне джихадистов. Это сейчас он говорит: «Я понимаю, что мне и таким, как я, просто запудрили мозги». Тогда же его не смогли остановить ни мать, ни беременная долгожданым первенцем супруга.

Саиду повезло: спустя полгода благодаря ранению он смог убежать из джамаата, в котором он состоял. Он был осужден, отсидел положенный срок и вышел на свободу.

— Знаете, после этих историй с актером Вадимом Дорофеевым и студенткой Варей Карауловой все заговорили о сети вербовщиков. Якобы девушек заманивают туда с помощью психологических техник, мужчинам обещают баснословные деньги. В моем случае ничего этого не было. Вербовщики с той стороны играют на живущем в каждом человеке чувстве справедливости. И это самое страшное...

Для Саида путь в джихадисты начался с видеороликов. Такими, по словам молодого человека, закидывают всех ребят из кавказских республик.

— Они приходят тебе по Viber, Whatsapp, в социальных сетях. У всех один сюжет — как там, в Сирии, убивают женщин, детей. Во всех роликах один и тот же посыл: «Где же вы, настоящие мусульмане, вы должны заступиться за единоверцев...» Я сначала не обращал внимания на эти призывы, потом стал задумываться, вступил в тематическую группу, начал списываться с ребятами, которые там находились. Где-то через полгода я подумал: если бы с моей семьей, в моем городе такое случилось, может, кто-то бы пришел на помощь и мне. Так почему же я здесь сижу и бездействую? Поддавшись этим настроениям, я решил уехать.

Как такового конкретного вербовщика в моем случае не было. Первое время я просто списывался, как я считал, с такими же, как я, ребятами, которые мне объясняли, что долг каждого правоверного мусульманина — приехать в Сирию. В итоге я им поверил.

Я считал, что еду туда защитить тех самых беззащитных женщин, стариков, над которыми измываются подконтрольные Асаду войска. Я настолько был ослеплен этой идеей, что даже не подумал поискать в Интернете другую точку зрения, выяснить, что на самом деле там происходит.

— **Как ты объяснил родным свой отъезд? Сказал, куда едешь и с какой целью?**

— Нет, конечно. Истинной цели моей поездки они не знали, в противном бы случае сами пошли в правоохранительные органы. Родным и жене я просто сказал, что хочу продолжить обучение в Турции. Они мне поверили.

— Тебе самому не показалось, что это слишком: оставить беременную супругу и отправиться на чужую войну?

— Конечно, было сложно. Но я тогда думал: у нас все тихо, за супругой есть кому присмотреть, здесь мама, папа, мои братья. А мне нужно ехать туда: кроме меня и таких, как я, о них никто не позаботится.

— Можно спросить у тебя о твоих религиозных взглядах?

— Вы имеете в виду, был ли у меня радикальный настрой, был ли я религиозным фанатиком? Однозначно нет.

Саид вспоминает: примерно за три месяца до отъезда уже появился конкретный человек, который в дальнейшем и должен был руководить его действиями.

— Это был вербовщик?

— Нет, скорее человек, который должен был меня пошагово направлять. Мы с ним постоянно были на связи. Он объяснил, как мне нужно действовать. По прилету в Стамбул я должен был купить новую SIM-карту, позвонить по определенному номеру. На вопрос, от кого я приехал, назвать его имя. После чего за мной должна была прибыть машина. Я все исполнил, но встретить в аэропорту меня не смогли. Вместо этого рассказали, что мне нужно взять билет на автобус и доехать до турецко-сирийской границы.

— А как они проверяют, не шпион ли ты? Вряд ли же они раздают такие телефоны кому попало?

— Нет, конечно. У меня там были знакомые ребята, через которых меня «пробивали». Должен быть конкретный человек, который за тебя сможет поручиться.

— Деньги на билет до Стамбула тебе выслали?

— Нет, я поехал на свои. Да и вообще, никому оттуда деньги не высылают. Как мне объяснили, это небезопасно.

— Слышала, что в Турции есть русская община, которая занимается подготовкой и переброской новобранцев в Сирию.

— Я об этом тоже слышал. Но в Турции я не жил. В день прилета я сразу взял билет на автобус и сам доехал до границы. Там мне велели ждать на остановке. Спустя несколько часов ко мне подошел человек, мы сели в машину, где уже собрались еще человек 10 ребят, прибывших ранее. Руководил всей операцией проводник, который должен был переправить нас в Сирию. Это был турок, но он немного мог изъясниться по-русски.

— Как вы переходили границу?

— Нас было человек тридцать. Минут двадцать мы бежали по полю. С вышек нас заметили пограничники, начали стрелять. Но слава богу, никого не ранило. Хотя я знаю несколько случаев, когда люди получали серьезные ранения, умирали. В одном случае это была женщина, она не могла быстро бежать.

«Паспорт тебе не пригодится, ты же приехал умирать...»

На той стороне группу Саида пересадили в другую машину. Их отвезли в лагерь для новобранцев.

— В этом лагере проверяют, от кого ты приехал, с какой целью, насколько сильны твои убеждения. Как проверяют? Задают вопросы, например, приехал ли ты с целью обогащения или же свято веришь в идею. Готов ли выполнять все, что скажет амир (командир). Здесь же нужно было дать присягу, поклясться, что до конца дней я буду подчиняться амиру.

Саид уверяет: присягу он не давал.

— Я сказал, что мне нужно подумать, посмотреть, что там происходит. Одним словом, я как-то отмазался.

Через шесть дней из лагеря для новичков его переправили на территорию джамаата. Молодой человек говорит, что он состоял в «Имарате Кавказ» — запрещенной на территории РФ террористической организации.

— С ИГИЛом у них одни и те же цели. То есть мы были все как бы вместе. Но конкретно в ИГИЛ я не состоял.

— До приезда или непосредственно на месте проверяли твою физическую подготовку? Интересовались, есть ли у тебя военный опыт?

— Нет.

— И тебе не показалось это странным? Не было ощущения, что тебя будут использовать как пушечное мясо?

— Я это понял, как только пересек границу, когда у меня забрали паспорт. Отдавать документы я не хотел. Но мне сказали: «Зачем тебе паспорт? Разве ты не приехал, чтобы умереть? Я сказал, что хотелось бы еще пожить. Но мне не терпящим возражений тоном объяснили, что сдавать паспорта — внутреннее правило. А их здесь не нарушают.

— В чем заключалась твоя служба?

— Первое время я просто слонялся без дела: оружия мне не давали. Через три недели мне выдали автомат, объяснили, как им пользоваться, сказали, что нужно охранять склады с боеприпасами. На боевые действия меня не пускали, потому что у меня не было опыта.

— Расскажи, из каких стран еще там были люди, зачем они приехали?

— Были немцы, французы, ребята из Нигерии, даже из Бразилии несколько человек добрались. Зачем приехали? У всех, с кем я разговаривал, цель была одна: помочь якобы угнетаемым братьям-мусульманам. А вообще расспрашивать друг друга о каких-то личных моментах там было запрещено. Бывало, подойдешь к кому-то из парней, спросишь, откуда он, есть ли семья? Рядом тут же появляется представитель местной службы безопасности, который объяснит, что любопытство тебе может дорого обойтись. Они следили, чем мы занимаемся, о чем разговариваем, не фотографируем ли случайно какие-либо объекты, не отправляем ли кому-нибудь SMS. Иногда я замечал: вроде бы человек рядом с тобой сидит, читает что-нибудь. Но ты понимаешь: он следит за тобой. Сразу по приезду в лагерь нам сказали, что телефон лучше не доставать. Если увидят, что мы сфотографировали кого-то из бойцов или место, где мы находимся, это может плохо закончиться.

— Но связь с родными была?

— Домой мы звонили крайне редко. Я, например, в первый раз с супругой поговорил только спустя месяц после приезда. Интернета у нас не было, туда же, где он был, нас не пускали. Объясняли, что это отвлекает от наших целей — не дай Бог кому-то домой

захочется.

— Но когда получилось позвонить домой, ты рассказал, где находишься?

— Я признался только жене. Но предупредил, чтобы она не рассказывала об этом никому из родных. Сказал, что по глупости своей сюда приехал, а теперь не знаю, как выбраться. Но уже тогда я ее заверил, что в ближайшее время что-нибудь придумаю и уеду отсюда.

— Вам платили деньги? Некоторые эксперты называют цифры в три-пять тысяч долларов за месяц.

— Не знаю, кто и сколько платил амирам, но рядовые, такие, как я, денег не получали точно. Все туда поехали ради идеи, которая, как я понял уже на месте, оказалась обманом.

— Почему?

— По большей части единственное, чем занимался наш джамаат, — это выяснение отношений с другими формированиями. Там очень много разных группировок, которые вроде бы объединены единой идеей — они воюют против Башара Асада, добиваются установления «Исламского государства» на всей сирийской территории. На самом же деле они собачатся между собой, нападают друг на друга, отнимают дома, деньги, оружие. Называют все это «трофеи». Какой-либо глобальной идеей там и не пахнет.

Амирам главное отхватить лакомый кусочек, наворовать побольше. Там осталось очень много богатых особняков, хозяева которых бежали от войны на свободные территории. Амиры захватывают эти дворцы, заселяются туда, купаются в бассейнах, отмокают в джакузи. Этих домов там так много, что некоторые амиры переезжают из одного в другой.

— А реальные боевые действия там велись?

— Иногда они [отражали удары армии Асада](#) . Но по большей части это все была инсценировка боевых действий. Амиры выбирали какой-то дом, зачастую пустой или ранее нами захваченный. Но для операторов, которые снимали эти бои на камеру, говорилось, что там засел противник.

Потом они делали вид, что захватывают эти здания: стреляли, бросали гранаты. Потом эти ролики отправлялись спонсорам и закидывались в Интернет, мол, приезжайте братья-мусульмане, помогите нам. И доверчивые ребята, такие, как я, на это велись.

— Но зачем им нужны новые бойцы?

— Анастасия, очнитесь, они вообще-то на этом деньги делают. Чем больше формирование, тем большее финансирование можно затребовать от спонсоров.

— То есть того, что ты видел в роликах, убийств женщин, детей, ты там не видел?

— Им вообще было наплевать на мирных людей — они между собой отношения выясняли. Хотя была одна жуткая ситуация. Группировка, которая находилась по соседству с нами, убила несколько десятков женщин и детей, расстреляли их из автоматов. По их словам, эти люди были предателями, что-то кому-то выдали.

А как могут быть предателями пацаны 12–14 лет или старики? Ролик той казни обошел весь мир. После этого я еще сильнее задумался, как бы вырваться оттуда.

«Если бы беглеца поймали, его бы зарезали...»

Саида спасло ранение.

— К тому моменту меня допустили охранять наши приграничные территории. Я пытался перебежать от одного дома к другому — в этот момент меня и зацепила пуля со стороны правительственных войск. Попали мне в ногу. Ранение оказалось сквозное.

Месяц я ходил на костылях, рана не заживала. И я, пожаловавшись, что испытываю жуткие боли, сказал, что мне нужно выехать на лечение в Турцию. Главная сложность в этой комбинации была в получении паспорта. Мне повезло: наш командир временно ушел в подполье из-за проблем с другой группировкой. Два дня до него не могли дозвониться, и в итоге решили поверить мне на слово. Паспорт мне отдали.

— А нельзя было просто бежать?

— Во-первых, по одиночке мы никогда не оставались: всегда ходили по двое или трое. Но даже если бы нас собралась группа, бежать просто так было бы нереально. Нужен проводник, который переведет через границу. Только они знают, где находятся свободные от мин коридоры, которые не простреливаются пограничниками. Но все проводники связаны с бандформированиями, они должны получить разрешение на перевод того или иного бойца через границу.

— Неужели за все то время, что ты там был, никто не попробовал бежать?

— Был один паренек. Он сказал, что едет на рынок, вернется через два часа. Вышел — и больше не вернулся. Искали его неделю.

Они и сами были в шоке, когда поняли, что он сбежал. Никто не понимал, как ему это удалось: как его не догнали, как он перешел границу. Ведь было еще несколько случаев, когда люди пытались бежать, а в итоге подрывались на минах.

Я понимал: так рисковать нельзя. Нужно действовать разумно, найти какой-то ход. В противном случае, если тебя поймают, наступит, как говорят сирийцы халяс — конец.

— Могли расстрелять?

— Могли зарезать. Изменников они не прощают...

В Сирию Саид приехал 11 июля 2013 года. Перешел границу в обратном направлении в начале января 2014-го. Тут же позвонил матери, попросил за ним приехать. Но еще на несколько месяцев пришлось задержаться в Турции.

15 мая он вылетел в Россию. Саид вспоминает: он спокойно прилетел в Чечню, несколько недель помаялся и все-таки решил прийти в правоохранительные органы с повинной.

— Мама начала меня уговаривать. Говорила: все равно где-то что-то просочится, лучше ты сам приди признайся. 11 июня я пришел в Шатойское РОВД. А 9 июня, как я выяснил позднее, в УФСБ на меня завели уголовное дело за участие в незаконных бандформированиях. Я об этом не знал: повестки мне не приходило. Более того, после объяснительной меня отпустили из отделения полиции.

Спустя две недели Саида задержали прямо в кабинете у следователя, к которому он пришел по повестке. Сперва дали два года общего режима и один год ограничения свободы. Но Саиду удалось обжаловать приговор. «Я ведь добровольно прекратил участие в незаконном бандформировании, пришел с повинной». В итоге срок скостили до 8 месяцев и 1 года ограничения свободы.

— Сейчас я ношу электронный браслет, могу передвигаться только по 4 районам Грозного. Но я понимаю: это намного лучше, чем тюрьма или положение боевика в Сирии.

— Что бы ты сказал ребятам, которые сейчас подумывают уехать туда?

— Чтобы они не совершали моих ошибок. Не поддавались рассказам интернет-зазывал. Они думают, что едут защищать людей от несправедливости. Но все они заблуждаются. И пусть каждый знает: путь туда прост, а вот вырваться и вернуться назад очень сложно...

«Забирают из дома тысячи долларов, а потом просят прислать им хотя бы сотню...»

DAMIR B